вильная» реакция героини; превращение (придворной фрейлины в царствующую особу); чудесная помощь (Гринев спасен) и одаривание («Я беру на себя устроить ваше состояние», — говорит Екатерина II — стр. 374) — за всем этим проступают фольклорные шаблоны, из которых компонуется заключительный эпизод произведения и которые позволяют отнести его к сказочному слою «Капитанской дочки».[97]

Пушкинская повесть эмансипирует сказочные ценности: ценностная асимметрия архетипа сменяется частичной симметрией; герой и героиня представляют друг для друга величины почти равнозначные, отсюда их сюжетное равноправие. Гринев завоевывает себе невесту — Маша добивается спасения жениха, добивается в границах сказочного образа действия.[98] Таков уровень нормы «Капитанской дочки». Переместившись на уровень системы (потенциальные возможности нормы), мы могли бы проследить ряд не реализованных Пушкиным повествовательных ходов, которые следуют из эмансипации фольклорных ценностей. Пушкинская повесть скрывает в себе возможности дальнейшего обогащения изначальной волшебной схемы, которые были бы осуществимы при полном уравновешивании ценностного плана произведения.

Вернемся, однако, к центральному герою повествования — Гриневу, но, до того как перейти к анализу второго цикла основного испытания, рассмотрим символическое наполнение сцен, соотнесенных с осадой и взятием Белогорской крепости.

В разгромленной комнате Маши взгляд Гринева, который опасается за судьбу капитанской дочки, падает на одну из немногих уцелевших вещей — «зеркальце, висевшее в простенке». Оно — вещественный заместитель героини: зеркальце тут же истолковывается автором как знак ее благополучного спасения («Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны» — стр. 327). Этот символ транспонирован в повесть из круга волшебно-сказочных текстов, где сходную роль исполняют, помимо зеркальца, такие заместительные предметы, как полотенце, нож, кукла и другие, которые, по всей вероятности, несут на себе реликтовую печать крайне древних представлений о внешней душе человека. Ср. замечательное столкновение сказочного (зеркальце) и христианского (горящая лампадка) символов в этом эпизоде: лампадка имеет то же значение, что и зеркальце, заместительные предметы отмечены как эквивалентные.

Весьма устойчив в сказке, хотя и не относится к уровню инвариантных сюжетных функций, мотив финального пира (посвятительный обряд заканчивался оргиастическим праздником и коллективной трапезой). Пир-

---

явная лакуна; в пределах же сказочной логики такая непоследовательность более чем законна: проверяется не истинность Машиного свидетельства, а истинность ее чувств, этические основы характера.

[97] Вот почему Сквозников неточен и расплывчат, называя Екатерину II то «феей», то «сказочной царицей». Ее роль функционально совпадает с ролью того персонажа, который участвует в волшебных текстах в предварительном, но не в финальном испытании, т. е. сказочного помощника.

[98] Итак, найдено генетическое объяснение симметричного строения «Капитанской дочки», на что указывали многие исследователи пушкинского произведения. См.: Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина. М., 1955; Ю. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962; В. Н. Турбин. Характеры самозванцев в творчестве А. С. Пушкина. — «Филологические науки», 1968, № 6. (В последней статье высказана в сугубо мистифицированной форме — самозванцами у Турбина оказываются и Маша Миронова, и Екатерина II — правильная, в общем, мысль: «Сцена встречи Маши с государыней странно дублирует сцену первой встречи Петра Гринева с Пугачевым: лжегосударь и подлинная государыня — оба они *переодеты*, оба *инкогнито*» — стр. 87. Объяснение этому было дано выше).